

572

В. К. АРСЕНЬЕВЪ.

902.716181

✓ A 8513

PP

В Библиотеку Хабаровской
Музеи Приса Д. Осод Р. Т. Общ
1917.
В Харбинь
Г. Хабаровск

ЭТНОЛОГИЧЕСКІЯ ПРОБЛЕМЫ НА ВОСТОКЪ СИБИРИ.

Сообщение, прочитанное въ Со-
брании Общества Русскихъ Ориента-
листовъ въ Харбинѣ 13 юня 1916 г.

Отдѣльный оттискъ изъ № 38-39 журнала „Вѣстника Азіи“.
Кн. 1-2.

~~БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ~~

✓ 3509
✓ 3508
✓ 3507

Харбинь.
Типографія Китайской Восточной желѣзной дороги.
1916.

В. Арсеньевъ.

Этнологическія проблемы на востокѣ Сибири ¹⁾.

Историкъ и этнографъ—оба изучаютъ народы. Какъ раздѣлить ихъ работу? Гдѣ кончаются изслѣдованія одного и начинаются изслѣдованія другого? Историкъ изучаетъ такіе народности, которыя оставили послѣ себя многочисленные памятники старины, покрытые письменами. Но есть народы, которые о письменности не имѣютъ никакого понятія.

«Какъ бы долго ни жили дикари въ данной мѣстности, говоритъ Шренкъ, съ уходомъ ихъ исчезаютъ и всякіе слѣды ихъ пребыванія» ²⁾). Вотъ изученіемъ-то этихъ народовъ и занимается этнографъ ³⁾). Въ задачу его входитъ не только описаніе современнаго состоянія инородцевъ, но онъ долженъ показать, каковы они были раньше, что у нихъ осталось своего и что есть чужого, позаимствованнаго отъ сосѣдей.

Этнографъ долженъ быть психологомъ, филологомъ, юристомъ и непременно лингвистомъ. Безъ языка здѣсь сдѣлать ничего нельзя. Вотъ почему этнологическія изслѣдованія относятся къ числу наиболѣе трудныхъ.

На землѣ нѣтъ ни одного народа, который не носилъ бы на себѣ слѣдовъ переселеній. Движеніе народовъ подобно движенію волнъ по земной поверхности. Иногда передвиженія эти происходятъ на огромныхъ разстояніяхъ. Напримѣръ, малайцы—на островѣ Мадагаскарѣ, полинезійцы—у береговъ южной Америки, монголы—въ Европѣ и американцы на азиатскомъ берегу.

Какъ камень, упавшій въ воду, родитъ круги, такъ и Центральная Азія дала народы, разошедшіеся въ разныя стороны.

На Западъ двинулись печенѣги, хозары, болгары, татары, финны, вогулы, вотяки, мордва, чуваша, черемисы, пермяки и такъ далѣе.

Буряты, обитавшіе ранѣе гдѣ-то въ Монголіи, вторглись въ Забайкалье; здѣсь они наткнулись на первобытное племя

¹⁾ Сообщение, прочитанное В. К. Арсеньевымъ въ О-вѣ Русскихъ Ориенталистовъ въ Харбинѣ 13 іюня 1916 г.

²⁾ Объ инородцахъ Амурскаго края Л. Шренка. 1883 г.

³⁾ Впервые эта мысль была высказана Л. Я. Штернбергомъ.

якутовъ и потѣснили ихъ. Послѣдніе, отступая передъ пришлецами, спустились въ долину р. Лены и стали распространяться по ней къ сѣверу. Тутъ они, въ свою очередь, встрѣтились съ многочисленными тунгусскими племенами, которые оказали имъ упорное сопротивленіе, но все же должны были уступить свою родину якутамъ¹⁾. Одна часть тунгусовъ удалась на западъ въ бассейнъ р. Енисея (Верхняя, Средняя и Нижняя Тунгуска), другая была оттѣснена на крайній сѣверъ къ Ледовитому океану, а нѣкоторыя племена потянулись на востокъ и докатились до береговъ Охотскаго моря. Небольшая часть тунгусовъ осѣла въ Амурскомъ краѣ (рѣка Тунгуска, около г. Хабаровска).

Наконецъ, часть монголо-маньчжуровъ двинулась на сѣверо-востокъ изъ Сунгарійскаго края и распространилась по рр. Уссури и нижнему Амуру.

Остановимся на этомъ и не будемъ заглядывать, что было еще раньше. Изъ глубокой древности встаютъ тюрки, арийцы, люди съ красными волосами и зелеными глазами²⁾, и первобытное чернокожее племя, остатки котораго мы видимъ теперь на югѣ Азіи. Это прошлое гипотетично и только то, что ближе къ нашей эрѣ, мы можемъ назвать истиной.

Мы видимъ всюду одну и ту же картину: въ движеніи своемъ болѣе сильныя народы тѣснили слабыхъ, и, въ концѣ-концовъ, загнали этихъ слабыхъ на полуострова и острова. Эти сколки съ наковальни человечества сохранились и по сіе время. Ни по языку, ни на основаніи антропологическихъ данныхъ, ни по этнографическимъ признакамъ они не подходятъ ни къ одному изъ своихъ сосѣдей. Является такое впечатлѣніе, точно они съ неба свалились. Таковыми будутъ въ Европѣ баски и шотландцы, въ южной Америкѣ—огнеземельцы, въ Африкѣ—бушмены, въ Австраліи—тасманійцы, родіи—на островѣ Цейлонѣ и въ Пріамурскомъ краѣ—гиляки и айны. Къ этимъ послѣднимъ намъ еще придется вернуться.

Народы, обитающіе на востокѣ Сибири, дѣлятся на три группы: 1) американоидовъ, 2) палеазіатовъ и 3) тунгусовъ. Разобраться въ нихъ представляетъ изъ себя задачу современной этнологіи.

Лингвисты говорятъ, что надо базироваться на языкѣ; но мы знаемъ цѣлый рядъ народностей, которые, по выраженію Миддендорфа, мѣняютъ языки, какъ перчатки.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

1) Ительмены на Камчаткѣ. Врачъ Тюшовъ, прожившій среди нихъ много лѣтъ, пытался составить хоть краткій

¹⁾ См. Объ инородцахъ Амурскаго края Л. Шренка. Т. I, стр. 95

²⁾ См. П. В. Шкуркина «Ло-ло. Старое и новое объ инородцахъ юго-западной Китая». Вѣстникъ Азіи № 34. — «Бѣлокурая раса въ Средней Азіи» Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Г. Н. Потанина. Зап. И. Р. Г. О-ва Т. XXXIV.

ительменскій словарь и не могъ этого сдѣлать: нынѣ ительмены никакого другого языка не знаютъ, кромѣ русскаго.

2) Орочи—удэ(хе)¹⁾ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, получившіе въ послѣдствіи названіе тазовъ (да-цзы). Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ говорившіе на своемъ родномъ языкѣ, теперь они совершенно его забыли и говорятъ только по-китайски. За послѣднія пятнадцать лѣтъ среди молодежи повсемѣстно наблюдается уже полная замѣна китайскаго языка русскимъ.

3) Маньчжуры, нанесшіе рядъ поражений китайскимъ войскамъ, посадившіе свою династію на китайскій престолъ, несмотря на всѣ старанія правительства сохранить языкъ, черезъ какіе-нибудь 200—300 лѣтъ совершенно его утрачиваютъ.

4) Среди бурятъ есть русскіе, въ жилахъ которыхъ нѣтъ ни капли монгольской крови, но говорящіе по-бурятски и совершенно незнающіе русскаго языка.

5) По словамъ Миддендорфа, среди русскихъ въ Якутской области самымъ ходовымъ языкомъ былъ якутскій. Даже въ домѣ губернатора на официальныхъ приемахъ русскіе говорили между собою на якутскомъ языкѣ.

Можно было бы привести еще много подобныхъ примѣровъ.

Мы видимъ, что языкъ не всегда опредѣляетъ происхождение народа. Быть-можетъ, окажетъ намъ большія услуги соматическая антропология. Но тутъ мы опять наталкиваемся на затрудненія. Ни одинъ народъ не сохранился въ подной своей чистотѣ. Всюду было вливаніе посторонней крови, всюду при посредствѣ рабовъ, во время войнъ и переселеній шла нивеллировка между людьми. Особенно часто практиковалось похищеніе женщинъ. Стоитъ только взглянуть на русскихъ среди бурятъ и якутовъ, чтобы видѣть, насколько измѣнился типъ европейца. Монгольскіе народы обладаютъ какой-то особенной агрессивной силой, и что можетъ быть краснорѣчивѣе метисовъ въ Америкѣ и мулатовъ въ Африкѣ?

Остаются этнографическіе признаки. Тутъ на помощь намъ выступаетъ консервативность человѣческаго мозга. Проходятъ вѣка, а трафареты остаются. Мы многое дѣлаемъ безсознательно, зачастую даже не зная, откуда пошелъ тотъ или иной обычай.

Напримѣръ, переносъ огня изъ храма. Онъ напоминаетъ намъ то далекое прошлое, когда неугасимый огонь горѣлъ только въ храмѣ. Разъ въ годъ огонь гасился въ домѣ и приносился новый, взятый съ жертвенника. Поэтому до сихъ поръ крестьяне, когда переходятъ въ новый домъ, переносятъ съ собою и огонь. Теперь говорятъ, что съ огнемъ переносится и домовая. Это уже приспособленіе къ новому времени. А раньше было не такъ. Огонь трудно было достать, его

¹⁾ Для облегченія набора, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ вмѣсто удэ(хе) писать просто «удэ(хе)». Удареніе—на звѣкъ э; слово произносится быстро, при чемъ придыханіе «не» произносится едва слышно. *Ред.*

всячески надо было беречь и носить съ собою. Переносъ огня являлся простою необходимостью.

По смерти близкаго человѣка женщины надѣвають трауръ. Знакъ печали—говорять теперь. Но этнографъ смотритъ иначе. Это тоже пережитокъ далекаго прошлаго. У всѣхъ народовъ даже и теперь существуетъ убѣжденіе, что абсолютной смерти нѣтъ, что по ту ея сторону, хотя и въ другой формѣ, но жизнь продолжается.

Первобытные дикари думали, что загробная ихъ жизнь будетъ такая же, какъ и эта. Тамъ такъ же люди рождаются, женятся, охотятся, воюють и умирають. Вотъ почему многіе дикіе народы хоронятъ покойниковъ въ согнутомъ положеніи, т.-е. въ томъ положеніи, въ какомъ человѣкъ находится въ утробѣ матери передъ рожденіемъ. Этимъ они, такъ-сказать, готовятъ его къ появленію въ загробномъ мірѣ, какъ новорожденнаго. Поэтому въ загробный міръ вмѣстѣ съ покойникомъ отправляли все его имущество: оружіе, собакъ, лошадей, рабовъ и жену; и теперь еще китайцы на похоронахъ сжигаютъ деревянную или бумажную куклу, изображающую женщину. Спеціальныя мастерскія по изготовленію такихъ похоронныхъ куколъ имѣются въ каждомъ китайскомъ городѣ. Послѣ смерти душа покойника еще нѣкоторое время (обыкновенно годъ) бродитъ по землѣ, и вотъ тѣ женщины, которыя не пожелали итти за мужьями въ могилу, стали прикрывать лицо свое, чтобы покойники не узнали ихъ при встрѣчѣ.

У всѣхъ азіатскихъ народовъ трауръ изображается бѣлой одеждой, которая въ послѣдствіи упростилась до бѣлыхъ лентъ, вплетаемыхъ въ косу. Что это такое? Бѣлый цвѣтъ—есть цвѣтъ эпифитовъ. Люди замѣтили, что подъ землей въ пещерахъ все живое и растительное имѣетъ бѣлый цвѣтъ. Онъ—изъ царства вѣчной тьмы, и является синонимомъ какой-то непонятной жизни по ту сторону смерти.

Въ 1899 г. археологъ Эмиль Ривьеръ при раскопкахъ пещеръ Ла-Муть въ Дордони наткнулся въ Магдаленскихъ слояхъ (заключительная ступень палеолитическаго періода) на камни съ искусственными впадинами. Эти каменные чаши въ то доисторическое время служили обитателямъ пещеръ въ качествѣ лампъ. Такія же точно каменные лампы и по сейчасъ еще кое-гдѣ примѣняются въ Дордони¹⁾.

Гуроны и нѣкоторыя другія обитающія въ сѣв.-западной Америкѣ племена индѣйцевъ (тлинкиты или колоши, гайдахи, чимчѣны, квакіутли, чинуки, нутки или вакашаны)²⁾ имѣють оригинальный праздникъ—убіеніе вскормленнаго медвѣдя. Въ Сибири этотъ праздникъ точнѣйшимъ образомъ повторяется у коряковъ, тунгусовъ, гиляковъ, орочей Императорской Гавани и остяковъ. Затѣмъ у великороссовъ мы опять встрѣчаемъ

¹⁾ См. «Доисторическій человѣкъ» Обермайера. 1913 г., стр. 232.

²⁾ См. Ратцель. «Народовѣдѣніе», стр. 514, 615 и 689.

медвѣдя. Въ сказкахъ онъ очеловѣченъ, его называютъ Михайломъ Потаповичемъ, ему посвящаютъ пѣсни, подражаютъ его походкѣ, имъ наряжаются. Далѣе въ Западной Европѣ мы видимъ изображеніе медвѣдя на старинныхъ швейцарскихъ знаменахъ и, наконецъ, находимъ его у басковъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Несомнѣнно, и это отголоски того прошлаго, когда и у нихъ медвѣдь игралъ такую же видную роль, какъ и у сибирскихъ инородцевъ.

Масленица—праздникъ возрожденія весны. Блинъ изображаетъ солнце.

Веревочное узловатое письмо «квипу» можно прослѣдить въ древней Мексикѣ, въ Перу—у инковъ, въ Меланезіи—у малайцевъ, у древнихъ насельниковъ юго-западнаго Китая и на островѣ Мадагаскарѣ.

Тотемное животное медвѣдь насъ перестанетъ удивлять, если мы вспомнимъ, что такіе же тотемы есть и у другихъ народовъ. Напримѣръ, волкъ—у англичанъ, левъ—у персовъ, драконъ—у китайцевъ, орелъ—у римлянъ. Тотемами могутъ быть и неодушевленные предметы, напримѣръ, полумѣсяцъ—у турокъ, восходящее солнце—у японцевъ.

Особенно же развитъ тотемизмъ у американскихъ индѣйцевъ.

Что такое наши гербы? Это тоже тотемы; даже въ фамиліяхъ можно прослѣдить тотемизмъ: Волковъ, Орловъ, Куропаткинъ, Барановъ, Зайцевъ, Скворцовъ и т. д.*

Женщины всегда консервативнѣе мужчинъ. Онѣ дольше помнятъ сказки и свой родной языкъ. Женщины стараются сохранить прически, а мужчины—оружіе и рыболовныя снасти. Этнографу рекомендуется побольше обращать вниманіе на старыхъ женщинъ. Къ несчастью, онѣ всегда угрюмѣе и скрытнѣе мужчинъ. Женщина готова что угодно перемѣнить, но ни за что не желаетъ разстаться съ дѣтской зыбкой. ? ? ?

Устойчивыми этнографическими признаками являются жилища и въ особенности амбары. Замѣчено, что инородцы, которые уже перемѣнили свой образъ жизни и стали осѣдлыми, еще долгое время рядомъ съ современными постройками ставятъ свои первобытныя юрты.

Другіе поступаютъ иначе, напримѣръ алеуты. Они живутъ въ деревянныхъ домахъ, но строятъ ихъ по типу полууглубленныхъ землянокъ съ длинными ходами сообщеній.

До крайности консервативны обычаи похоронъ, сказки, куклы и дѣтскія игрушки. Этнографъ, обратившій на нихъ мало вниманія, дѣлаетъ непростительную ошибку.

У первобытныхъ народовъ, не знающихъ письменности, все же потребность въ передачѣ своихъ мыслей существовала. Они начали рисовать. Сначала это были схематично грубыя изображенія людей и животныхъ; потомъ рисунки стали стилизоваться и вылились въ форму орнаментовъ. Эти

последніе тоже даютъ ключъ при опредѣленіи дикихъ народовъ. Вотъ почему рекомендуется обращать особенное вниманіе на орнаменты, добытые изъ старыхъ могилъ.

Языкъ и этнографическіе признаки надо считать самыми важными указателями происхожденія народа. На нихъ, слѣдовательно, этнографъ, главнымъ образомъ, и долженъ опираться. Когда то и другое совпадаетъ — вопросъ разрѣшается весьма просто. Но если они расходятся — это уже является въ этнографіи загадкой, трудно разрѣшимой, но зато интересной. Въ этомъ отношеніи нашъ сѣверо-востокъ дастъ неисчерпаемый матеріалъ для изслѣдованій. Тутъ на каждомъ шагу открываются проблемы.

Въ Сѣверной Америкѣ мамонтъ былъ самымъ распространеннымъ животнымъ четвертаго межледниковаго періода. Онъ встрѣчается особенно въ сѣверныхъ областяхъ этой страны, и прежде всего въ окрестностяхъ Берингова пролива. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно черезъ Беринговъ перешеекъ онъ переселился туда изъ Азіи. Также изъ Азіи по этому мосту перешелъ въ Америку лось, сѣверный олень, зубръ, медвѣдь, лошадь (вымершая впоследствии), бобръ и другія животныя. Интересно отмѣтить, что въ то время, когда въ Европѣ окончился послѣдній ледниковый періодъ и вымерли всѣ дюлловіальныя животныя, мамонты еще долго бродили въ Сибири, и еще позже сошли со сцены въ Америкѣ¹⁾.

Среди палеонтологическихъ коллекцій въ музеѣ въ гор. Хабаровскѣ имѣются кости мамонта, вывезенныя съ Чукотскаго полуострова. На нихъ весьма явственно видны слѣды рукъ человѣка. Видно, что онъ обжигалъ ихъ на огнѣ, разбивалъ каменными топорами, скоблилъ и при помощи сребровъ добывалъ мозгъ. Потомъ онъ кости эти бросилъ и ихъ грызла какое-то животное, по зубамъ похожее на собаку.²⁾ Изъ этого слѣдуетъ, что въ то время, когда Америка соединялась съ Азіей, человѣкъ уже обиталъ около Берингова перешейка.

На сѣверныхъ берегахъ Чукотскаго полуострова видны слѣды какихъ-то углубленныхъ землянокъ такого типа, котораго нѣтъ ни у одного изъ сибирскихъ инородцевъ. Позднѣйшіе изслѣдователи установили ихъ позднѣйшую тождественность съ землянками американскихъ эскимосовъ. Оказалось, что люди эти раньше жили на сѣверномъ азіатскомъ берегу, а затѣмъ, вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ намъ причинъ, перекочевали въ Америку. На Азіатскомъ материкѣ около Берингова пролива осталась только ничтожная часть ихъ, называющая себя вутээнц'ами (72 ч.), айвуан'ами (995 ч.), пээк'ами и нууканц'ами (553 человѣка). Всего, слѣдовательно, 1,620 человѣкъ²⁾.

¹⁾ См. «Доисторическій человѣкъ» Г. Обермайера. Стр. 112. 1913 г.

²⁾ Всѣ приводимыя здѣсь цифровыя данныя собраны въ 1915 г. В. В. Солярскимъ на основаніи разосланной имъ анкеты.

За послѣднее пятилѣтіе наблюдается обратный переходъ эскимосовъ изъ Америки въ Азію. Возможно, что такія перекочевыванія туда и сюда они дѣлаютъ періодически изъ мѣстъ, бѣдныхъ морскимъ звѣремъ, въ мѣста, гдѣ лаконогія и китообразныя снова наплодились.

Но оставимъ на время сѣверъ и вернемся въ Пріамурскій край.

Первыя свѣдѣнія о Пріамурскомъ краѣ мы встрѣчаемъ у японцевъ, у китайскихъ историковъ и въ китайской географіи династіи Цзинь. Свѣдѣнія эти крайне смутныя и часто противорѣчащія другъ-другу. Китайскіе историки плохо были освѣдомлены о томъ, что происходило въ Уссурійскомъ краѣ въ древнѣйшія времена. У китайскихъ географовъ понятія объ этой странѣ — отвлеченныя, смутныя. Они не имѣли точныхъ свѣдѣній ни о мѣстахъ, занимаемыхъ разными сосѣдними народами, ни объ ихъ обычаяхъ, и сообщаютъ рядомъ съ дѣйствительными фактами много мифологическихъ. Нерѣдко они соединяли подъ однимъ именемъ нѣсколько племенъ; такъ, напримѣръ, «фякэ» назывались всѣ народы на низовьяхъ Амура. Самая транскрипція географическихъ названій и личныхъ именъ, имѣвшихъ для китайца совершенно чуждые звуки, сдѣлана историками неправильно, частью въ искаженіи, примѣнялись къ іероглифамъ, частью они приводили названія, данныя китайцами, ничего неимѣющія общаго съ произношеніемъ самаго племени. Путаница въ именахъ увеличилась еще обычаемъ называть племена по имени господствующаго рода. При частныхъ междоусобицахъ одинъ родъ поработалъ другой, а потому одинъ и тотъ же народъ въ разныя эпохи носить разныя названія. Также часто измѣнялись и географическія названія. Вслѣдствіе такихъ осложненій, при чтеніи китайскихъ источниковъ, весьма трудно, иногда невозможно, приурочить какое-либо событіе къ племени или мѣсту¹⁾.

При изученіи древней исторіи Маньчжуріи слѣдуетъ имѣть въ виду, что названія Хэй-хэ и Хэй-шуй (Черная рѣка и Черная вода) относятся не къ верхнему Амуру, какъ ошибочно считали позднѣйшіе китайскіе историки (и полагаясь на нихъ, стали считать и европейскіе ученые), но къ верхней Сунгари. И теперь еще китайцы считаютъ Сунгари главной рѣкою, а верхній Амуръ — ея притокомъ²⁾.

Названіе «Сунгари» — позднѣйшее (что значитъ, молочный, млечный путь), чисто-народное, но не географическое, и появилось уже послѣ объединенія Маньчжуріи при Циньской династіи. Амуръ и прилегающія къ нему земли привлекли вниманіе Пекина только благодаря появленію на немъ русскихъ,

¹⁾ См. Ф. Ф. Буссе. Изучен. Амурскаго края. Остатки древностей въ долинахъ рѣкъ Лефу, Даубихе и Улахе. Зап. Общ.

²⁾ См. Мэнъ-гу ю-му-цзи, стр. 161. Зп. Имп. Русск. Географ. Общ. 1895 года.

что вызвало командировки на Амуръ особыхъ чиновниковъ для изученія его. Результатомъ этого получилось образованіе по высочайшему повелѣнію Хэйлунцзянской провинціи изъ земель, по которымъ доселѣ бродили лишь никому не подчинившіяся охотничьи племена. Это случилось лишь въ 22 году эры Канъ-си (1684 г.).

Приурочивая всѣ упоминаемыя въ исторіи событія, которыя произошли на Хэй-хэ, не къ верхнему Амуру, а къ верхнему Сунгари, мы увидимъ, что вся исторія Маньчжуріи складывается въ стройный порядокъ, и сразу пропадаютъ всѣ встрѣчающіяся на каждомъ шагу противорѣчія и несогласованія¹⁾.

Всѣ народы, играющіе такую большую роль въ исторіи Маньчжуріи, вышли съ верховьевъ Сунгари и хребта Чанъ-бо-шаня.

Мнѣ кажется, что всѣ попытки добиться истиннаго само-названія дикихъ народовъ совершенно бесполезны. Бесполезны потому, что такихъ самоназваній у нихъ нѣтъ вовсе. Само-названія свойственны только культурнымъ народамъ, а дикари никакъ себя не называютъ. То, что мы считаемъ названіемъ,—на самомъ дѣлѣ оказывается словами нарицательными, въ большинствѣ случаевъ означающими «люди», «настоящіе люди», «люди этихъ мѣстъ» и т. д.

Напр., орочъ на вопросъ—кто ты, говоритъ: би-на-а-ни (би—я, на—земля, а—соединительная гласная, ни—человѣкъ), что въ переводѣ означаетъ: «Я человѣкъ этой земли», т.-е. «здѣшній». Гиляки себя называютъ «ниб(а)хъ», что значитъ просто «человѣкъ». Что такое названіе бирары? Повидимому, слово это русскаго происхожденія. Такое названіе дано было инородцамъ, которые жили на р. Бирѣ. Но самое слово Бира есть нарицательное и означаетъ просто «рѣка». Слѣдовательно, бирары въ переводѣ будутъ «рѣчные». Но тогда всѣ народы на землѣ будутъ бирарами, потому что всѣ живутъ по рѣкамъ, около воды.

Вспомнимъ древнихъ русскихъ славянъ, которые называли себя полянами, древлянами; при этомъ мы знаемъ, что первые жили среди равнинъ, а вторые—въ лѣсу. Наконецъ, современный русскій крестьянинъ на вопросъ кто ты, никогда не назоветъ себя русскимъ, а отвѣтитъ: «я крестьянинъ», или—«я тутошній».

Такія нарицательныя самоназванія намъ еще придется разбирать при перечисленіи народовъ, населяющихъ Приамурскій край и Маньчжурію.

Точно такія же нарицательныя самоназванія мы находимъ и въ Африкѣ, и въ Америкѣ, и въ Австраліи.

1) Свѣдѣнія эти получены отъ П. В. Шкуркина, специально работавшаго по исторіи Маньчжуріи.

На Зондскихъ островахъ вы найдете два названія: утангъ и орангъ-утангъ. Утангъ—это просто человѣкъ туземець, а орангъ-утангъ—лѣсной человѣкъ (обезьяна). Нынѣ почти всѣ Амурскіе инородцы стали приспособляться къ русской терминологии и называть себя навязанными имъ именами, и теперь немало стоитъ труда добиться отъ нихъ истины.

Высказавъ эти основныя положенія, бросимъ бѣглый взглядъ на народы, населяющіе Амурскій край.

Самыми верхними народами на Амурѣ будутъ орочены и манегры. Первые получили свое названіе отъ маньчжурскаго слова «оронго», что значитъ дикій козель, похожій на серну. Отсюда—ороньчо, что значитъ оленеводъ. Этимологія второго слова—неизвѣстна. Тѣ и другіе—оленные тунгусы, обитавшіе раньше въ Якутской области. Отъ толчка, даннаго имъ якутами, они двинулись на югъ къ Становому хребту и тамъ долгое время оставались неподвижными. Послѣ Нерчинскаго трактата, когда русскіе оставили Амуръ, орочены распространились на западъ въ Даурію, на востокъ до Албазина и на югъ по хребту Хингана почти до города Хайлара. Хинганскіе орочены сдѣлались конными охотниками. Въ Амурской области ихъ осталось только 923 человѣка (492 мужчины и 431 женщина).

Манегры на Амуръ вышли тоже послѣ русскихъ, но раньше ороченъ. Въ центрѣ земель, занятыхъ ими, протекала р. Зея (лѣвый притокъ Амура). Сѣверная граница немного не доходила до Станового хребта, а восточной былъ водораздѣлъ между Зеей и Буреей. Со времени заселенія Амура русскими, большая часть ихъ перекочевала въ сѣверную Маньчжурію. Отличные конные охотники, хорошіе стрѣлки, эти инородцы въ Амурской области исчисляются въ 160 человѣкъ.

Къ области манегорцевъ близъ города Айгуня, примыкаетъ уголокъ земли, заселенный даурами. «Дауры» есть искаженное слово дахуры, происшедшее отъ даху, т.-е. шуба. Она короче, чѣмъ «сичжягянь» (длиннополая шуба), и длиннѣе, чѣмъ полукафтанъ—курумэ (отсюда—курма). Ее одѣваютъ мѣхомъ наружу и иногда дѣлаютъ съ оторочкой изъ соболей. «Дахуры»—значитъ «люди, одѣтые въ доху». Въ свое время это былъ одинъ изъ самыхъ культурныхъ народовъ Восточной Сибири. Жили они въ Забайкальи, отчего и страна ихъ называлась Даурія¹⁾.

Потѣсненные бурятами, они передвинулись къ востоку и распространились въ западной половинѣ Амурской области; но въ послѣдствіи, отчасти подъ давленіемъ казаковъ, а можетъ-быть и по настоянію пекинскаго правительства, желавшаго

¹⁾ Въ своемъ сообщеніи авторъ ничего не говоритъ о собственно-маньчжурахъ, вѣроятно, считая ихъ совершенно растворившимися среди китайцевъ. *Ред.*

обезлюдить Амуръ и тѣмъ затруднить плаваніе по рѣкѣ русскимъ,—перекочевали въ Маньчжурію и расселились по правую сторону верхняго теченія Нонни около Хингана. Въ русскихъ владѣніяхъ дауры встрѣчаются только какъ отдѣльныя личности.

Рядомъ съ даурами живутъ солонь (солонъ бутха—по Палладію). Названіе это получило отъ трехъ словъ: бутха—охотникъ, соло—тонкіе корешки (мочки) жэнь-шэня, и «ни» — частица родительнаго падежа. Слѣдовательно, слова бутха солонь можно перевести «охотники, ведущіе свое начало» отъ «корня-человѣка» (жэнь-шэня), или «отпрыски жэнь-шэня»¹⁾. Нынѣ солонь обитаютъ въ верховьяхъ рѣки Нонни съ лѣвой стороны. Откуда они сюда пришли — неизвѣстно. Извѣстно только то, что въ сѣверо-западной Маньчжуріи они появились гораздо раньше, чѣмъ ороченъ въ Хинганскомъ хребтѣ. Въ свое время это былъ весьма храбрый, воинственный и подвижной народъ²⁾. Многіе изъ нихъ состоятъ на службѣ у китайскаго правительства въ качествѣ солдатъ и чиновниковъ. Вслѣдствіе этого они разбрелись по всей Маньчжуріи. Одну солонскую семью я нашелъ въ 1907 г. даже на берегу пролива Невельскаго (р. Нахтоху) по ту сторону Сихота Алина.

Въ области бассейна рѣки Буреи, за исключеніемъ истоковъ, живутъ весьма малочисленные оленные тунгусы бирары,—близкіе родственники манегровъ³⁾. О самоназваніи ихъ уже говорилось выше. По Шренку, они тоже пришли съ сѣвера⁴⁾. Слабые числомъ, слабые духомъ и слабые физически, они смѣшались съ сосѣдними тунгусами и растворились въ нихъ. Въ недавнее время часть бираровъ перешла на китайскую сторону за Амуръ и изъ оленеводовъ превратилась въ конныхъ охотниковъ. Статистика ихъ неизвѣстна.

Въ бассейнѣ р. Тунгуски (по р. Урми и Куръ), живутъ кили. Объ этихъ людяхъ нѣтъ никакихъ данныхъ.

Въ этнографическомъ отношеніи вся территорія къ сѣверу отъ нижняго Амура, въ бассейнѣ р. Амгуни до береговъ Охотскаго моря, представляетъ изъ себя въ полномъ смыслѣ слова такую область, къ которой болѣе чѣмъ примѣнимо

1) Шренкъ думаетъ, что названіе «солонъ» произошло отъ слова соло, означающаго верхъ, верховье, и «нэй» — люди, слѣдовательно, означаетъ людей, живущихъ по верховьямъ рѣки въ отличіе отъ слова «хэчжэ-ней» низъ, т-е людей, живущихъ по низьямъ рѣки. Но, во-первыхъ, этихъ значеній словъ соло и хэчжэ нѣтъ въ очень полномъ словарѣ маньчжурскаго языка Захарова, во-вторыхъ—еще выше солонъ по рѣкѣ живутъ ороченъ, и, слѣдовательно, названіе «солонъ» имѣть приличествовало бы еще болѣе; и въ-третьихъ при правильности Шренковскаго толкованія, солонъ называли бы этимъ именемъ племена, живущія ниже ихъ по рѣкѣ, у самихъ же солонъ было другое, собственное названіе. Въ дѣйствительности же этого нѣтъ: солонами называютъ они себя сами.

2) Дорожная замѣтка арх. Палладія на пути отъ Пекина въ Благовѣщенскъ черезъ Маньчжурію въ 1870 г. Зап. Имп. Русск. Геогр. общ. Т. IV 1871 г., стр. 443.

3) См. Шренка. Объ инородцахъ Амурскаго края. 1883 г., стр. 183

4) См. Грумъ-Гржимайло. Описаніе Амурскаго края. стр. 386.

выраженіе «terra incognita». О народахъ, здѣсь обитающихъ, рѣшительно нѣтъ никакихъ свѣдѣній; мы не только не имѣемъ статистику ихъ, но даже не знаемъ границъ занимаемыхъ ими территорій и не знаемъ изъ самоназванія. Весьма возможно, что «киль» есть искаженное китайцами слово «гирь», окончаніе, даваемое тунгусами народностямъ, обитающимъ по лѣвую сторону Амура: самагирь, манегирь, чакчагирь, чемакогирь, улагирь, боягирь, лялегирь, гурагирь, муктегирь, ньясекагирь и т. д. Русскіе въ искаженіяхъ пошли дальше, и, быть-можетъ, такимъ образомъ изъ киль получилось килякъ, а потомъ—гилякъ¹⁾.

По обоимъ берегамъ р. Уссури и по р. Амуру отъ устья г. Сунгари до р. Горюна обитаютъ гольды (происхожденіе этого слова еще не выяснено), занимающіеся лѣтомъ рыболовствомъ, а зимою и соболеваньемъ. Языкъ Уссурійскихъ гольдовъ довольно значительно разнится отъ языка гольдовъ, живущихъ по Амуру ниже Геонскаго хребта. Изъ всѣхъ языковъ гольдскій стоитъ ближе всѣхъ къ маньчжурскому²⁾.

Если предположить, что р. Уссури является родиной гольдовъ, то какъ тогда допустить, что стойбища ихъ оказались расположенными въ непосредственной близости древнихъ земляныхъ городищъ, о которыхъ инородцы эти рѣшительно ничего не знаютъ? Очевидно, что здѣсь кто-то жилъ раньше, и гольды спустились въ долину Уссури только тогда, когда замерла прежняя жизнь, и мѣста древнихъ поселеній заросли лѣсами. Вѣроятно, земли эти, а равно и средняя часть нижняго Амура заселены были земледѣльческимъ народомъ, котораго казаки называли дючерами, и которые во второй половинѣ XVII вѣка были выселены китайцами въ глубь Маньчжуріи съ цѣлью обезлюдить Амуръ и этимъ лишить казаковъ продовольствія. Послѣ этого событія, откуда-то съ юго-запада появляется монголо-маньчжурское племя гольдовъ, которое быстро распространяется по рр. Уссури и Амуру. Нынѣ гольды являются однимъ изъ наиболѣе жизненныхъ Амурскихъ инородцевъ, численность которыхъ равняется 4,422 чело-вѣкамъ (2,335 мужчинъ и 2,087 женщинъ).

Ниже по Амуру и рядомъ съ гольдами до села Богородскаго живутъ ольчи. Собственно говоря, слово «ольча» есть искаженное русскими названіе одного изъ родовъ «ульча» (или еще вѣрнѣе—«уильта»), принадлежащаго къ одной какой-то народности, къ которой причисляются и орочи и ороки, какъ это мы увидимъ ниже. Въ сказкахъ у нихъ фигурируютъ звѣри, глубокіе снѣга и сѣверный олень. Изъ этого слѣдуетъ, что раньше они были охотниками, пришедшими съ сѣвера. Нынѣ—это рыболовы. Вотъ почему у нихъ появи-

¹⁾ См. Л. Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго края. 1883 г., стр. 160.

²⁾ См. И. Захаровъ. О матеріалахъ для изученія гольдскаго языка. Зап. Имп. Русск. Географ. Общ. 1876 г.

лись рассказы о непроходимых лѣсахъ и недосягаемыхъ горныхъ вершинахъ. На этомъ тунгусскомъ народцѣ много чуждыхъ наслоеній—они, такъ-сказать, огилячены. Статистика ольчей дала цифру 1,599 человекъ (843 мужчинъ и 756 женщинъ).

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Императорской Гавани зазвучали топоры дровосѣковъ и на Тумнинѣ начались розыски золота, орочи навсегда оставили «Хади» (Импер. Гавань) и ушли, кто на Копи, кто къ мысу Аку (Успенія), а нѣкоторые перешли черезъ Сихота Алинь, и распространились по р. Хунгари и Хоюлю, впадающей въ оз. Кизи. Эти послѣдніе женились на ольчанкахъ, и теперь ихъ потомство само затрудняется сказать, къ кому они ближе стоятъ, къ орочамъ или къ ольчамъ. Въ 1909 г. ихъ было только девять семействъ.

Между Амгуню и Амуромъ узкой полосой отъ озера Эвронъ до озера Удыль протянулись самагирцы.

Въ Баргузинскомъ краѣ и на Сѣверной Ангарѣ живутъ какіе-то самагирскіе тунгусы¹⁾. Это очень подкупаетъ изслѣдователя сдѣлать предположеніе, не есть ли это одинъ народъ, разобщенный бурятами или якутами, при чемъ одна часть его удалилась на западъ, а другая—черезъ Становой хребетъ къ востоку? Эта послѣдняя осѣла по р. Горюну (оз. Эвронъ), текущей къ Амуру.

О самагирцахъ мы также ничего не можемъ сказать, какъ и о киляхъ. Перепись 1897 года рѣшительно не заслуживаетъ вниманія. Вѣроятно, численность этого народа не превышаетъ 400 человекъ²⁾.

По Амгуни расселились неизвѣстные негидальцы. Вотъ все, что мы объ нихъ знаемъ. Статистика 1897 года невѣрная, поэтому я приводить ее не буду³⁾.

Судя по сходству языковъ и по многимъ этнографическимъ признакамъ, самагирцы, негидальцы, ольчи, Сахалинскіе ороки и орочи Императорской Гавани—суть народы, весьма близко стоящіе другъ къ другу и появившіеся на сценѣ Пріамурскаго края одновременно. Эти тунгусы пришли откуда-то изъ Якутской области, быть-можетъ, во время знаменитаго переселенія якутовъ изъ Забайкалья. Когда самагирцы были на Горюнѣ, а негидальцы—на Амгуни, остальные еще по инерціи двигались. Потомъ на Амурѣ (главнымъ образомъ, около оз. Кизи съ выходомъ къ морю въ заливъ Де-Кастри и бухту Таба) остались ольчи. Къ юго-востоку отъ нихъ распредѣлилась орочи, а къ востоку (на островѣ Сахалинѣ) ороки—129 чел. (74 мужч. и 55 женщ.). Вотъ почему

1) См. Г. Раде. Озеро Байкаль. Вѣстн. Императ. Русск. Географ. Общ. ч. XXI, 1851 г. Отд. I, стр. 145. См. Миддендорфа. Путеш. и пр., ч. II, стр. 745.

2) У Г. Солярскаго значится 389 человекъ (193 мужч. и 196 женщ.).

3) У Г. Солярскаго значится 353 чел. (200 мужч. и 153 женщ.).

многіе изслѣдователи въ прилегающемъ прибрежно-морскомъ районѣ часто путали орочей съ ольчами¹⁾.

Среди самагирцевъ, негидальцевъ, бираровъ и килей много живутъ тунгусовъ. Эти «дворяне тайги», какъ ихъ называли первые русскіе путешественники за прямоту характера, честность, энергію и смѣлость, исчисляются въ Амурской и въ Приморской областяхъ въ 7,294 человекъ (3,907 мужч. и 3,387 женщинъ).

Впослѣдствіи небольшая часть якутовъ перешла черезъ Яблоновый хребетъ и распространилась по Амурской и Приморской областямъ въ качествѣ торговцевъ и скупщиковъ пушнины. Ихъ немного — 615 человекъ (364 мужчинъ и 251 женщинъ).

Перечисляя аборигеновъ страны отъ запада къ востоку, мы дошли, наконецъ, до устья Амура и здѣсь встрѣчаемъ одну ихъ самыхъ интереснѣйшихъ народностей Приамурскаго края—гиляковъ. Ни по языку, ни по этнологическимъ даннымъ, ни по этнографическимъ признакамъ они не подходятъ ни къ тунгусской семьѣ, ни къ монголо-маньчжурской. Они совершенно стоятъ особнякомъ отъ своихъ сосѣдей. Шренкъ называетъ ихъ палеазиатами, т.-е. древнѣйшими обитателями Азіи. Раньше они жили на островѣ Сахалинѣ, но затѣмъ были вытѣснены оттуда айнами и ушли на материкъ къ устью р. Амура, а затѣмъ часть ихъ снова переправилась на островъ. Г. Штернбергъ полагаетъ, что это американоиды. По послѣднимъ свѣдѣніямъ ихъ 4,156 человекъ (2,323 мужч. и 1,831 женщ.), въ томъ числѣ 1,921 человекъ на островѣ Сахалинѣ.

Первобытная юрта коряковъ имѣетъ два отверстія: нижнее для женщинъ и дѣтей, и верхнее—для мужчинъ и для выхода дыма. У гиляковъ на медвѣжьемъ праздникѣ шкура медвѣдя съ головой вносится въ юрту не черезъ дверь, а черезъ специально продѣланное отверстіе въ крышѣ дома. Теперь это упростилось, и шкура подается черезъ окно. Затѣмъ устройство зыбки у гиляковъ совершенно сходное съ такою же у коряковъ. Устройство нарты у тѣхъ, и у другихъ вполне тождественное. Можно подумать, что гиляки копировали нарты съ коряковъ. Даже увязка ремешками стоекъ у полозьевъ нарты—одинаковы. Всѣ Амурскіе инородцы хоронятъ своихъ покойниковъ на поверхности земли, а гиляки ихъ сжигаютъ, при этомъ огонь добывается при помощи тренія точно такимъ же образомъ, какъ и у коряковъ.—Все это вмѣстѣ взятое, съ великою долею опаски, позволяетъ допустить о нѣкоторомъ родствѣ между гиляками и коряками.

1) Гленъ и Шмидтъ также признаютъ родство орочей и ольчей. Населеніе зал. Де-Кастри было ольчское, но туда пріѣзжали и орочи.

Несмотря на то, что гиляки живутъ около воды, они боятся моря. У нихъ нѣтъ своего паруса. По словамъ Зибольдта, они не умѣли дѣлать лодокъ, и за помощію въ этомъ случаѣ обращались къ гольдамъ¹⁾. Изъ этого можно заключить, что къ устью Амура они пришли не моремъ, а сухопутьемъ.

Кто такіе айны? Айны—первобытное племя, населявшее ранѣе острова Ниппонъ и Иesso, и называющее себя «айно», что значитъ человекъ²⁾. Откуда они взялись? Это покрыто мракомъ неизвѣстности. Шренкъ называетъ ихъ палеазиатами. Большая волосатость дѣлаетъ ихъ похожими на арійцевъ. Однако, если снять съ нихъ усы и бороды, то явственно выступаютъ типичныя монгольскія черты. Выселенныя съ материка въ доисторическое время, они стали распространяться по островамъ Японскаго архипелага и на островѣ Ниппонъ встрѣтили древнее населеніе, по своимъ этнографическимъ признакамъ близко стоявшее къ малайцамъ.

Самыми послѣдними переселенцами на японскіе острова были какіе-то тунгусы. Они прошли черезъ Корею и Цусимскій проливъ, покорили «земляныхъ пауковъ» и, какъ побѣдители, образовали правящій классъ самураевъ. Эти послѣдніе и физически отличаются какъ отъ айновъ, такъ и отъ первобытныхъ мелкорослыхъ туземцевъ. Тогда айны отошли сначала на сѣверъ Ниппона, потомъ на Мацмай, Сахалинъ и Курильскіе острова.

Въ Охотскомъ краѣ мы встрѣчаемъ ламутовъ. Названіе это получило отъ тунгусскаго слова «ламу», что значитъ море. Ламуты — это приморскіе тунгусы, враждебно относящіеся къ русскимъ, и поэтому наиболѣе сохранившіе свою самобытность. Зимніе ихъ мѣховые костюмы и лѣтніе изъ ровдуги густо украшены бусами, бисеромъ и стеклярусомъ. Женщины нашиваютъ по подолу металлическія цѣпочки, бубенчики и колокольчики. Они бродятъ по Становому хребту, въ Гижигинской округѣ и по западному берегу Камчатки, и исчисляются въ 866 чел. (450 мужчинъ и 416 женщинъ).

Ительмены обитаютъ на Камчаткѣ. Этотъ полуостровъ по своему географическому положенію былъ всегда приманкой для «служилыхъ» русскихъ людей, которые «шли провѣдать новыя землицы, собрать цѣнной рухляди и подвести тамошнихъ народцевъ подъ высокую царскую руку». Неисчислимыя бѣдствія терпѣли ительмены отъ такихъ завоевателей. Особенно жестокими были походы казацкой вольницы, которая за свой страхъ и рискъ шла обкладывать ясакомъ инородцевъ и повсюду оставляла послѣ себя кровавыя слѣды.

¹⁾ Tō-tats ki ko Siebold. Nippon, VII, p. 169—195.

²⁾ См. Л. Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго края, 1883, стр. 128.

Несчастья продолжали преслѣдовать несчастныхъ ительменовъ даже и тогда, когда на Камчаткѣ сталъ водворяться относительный порядокъ. Въ 1779 г. баталіонъ майора Сомова по Высочайшему повелѣнію получилъ приказаніе отправиться на Камчатку. Онъ шелъ туда четыре года. Послѣ неимоверныхъ трудовъ и лишеній 3-я его рота дошла до Удского острога, и тамъ осталась; 4 рота дошла до Охотска, гдѣ впоследствии и была переформирована въ морскую команду; а первыя двѣ роты, шефская и гренадерская, дошли до Петропавловска и занесли туда съ собою цынгу и гнилую горячку. Обѣ эти роты со всѣмъ своимъ составомъ погибли. Никто не спасся!). Съ ужасающей быстротою болѣзни эти распространялись среди туземцевъ и въ короткій срокъ вымерло почти три четверти всего населенія полуострова.

Впоследствии оставшееся ительменское населеніе смѣшалось съ русскими, и получились тѣ самые камчадалы, съ которыми мы теперь имѣемъ дѣло. Они исчисляются въ 3,514 челов. (1,801 мужч. и 1,713 женщинъ).

Теперь мы обратимся къ Чукотскому полуострову. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тремя этническими группами: паляевцами, эскимосами и индѣйцами¹⁾. Изъ нихъ самыми многочисленными будутъ чукчи (1,1067 чел. обою пола). Они выше среднего роста и больше всѣхъ приближаются къ американскимъ индѣйцамъ (стр. 73).

Это воинственное племя оказало упорное сопротивление завоевательному движенію русскихъ. Вспомнимъ, какъ трагически кончился походъ Павлуцкаго въ Чукотскую землю. Инородцы эти и по сіе время считаютъ себя свободными. Они говорятъ, что не были завоеваны русскими и живутъ съ ними только въ согласіи.

Чукчи подраздѣляются на сидячихъ (береговыхъ) и бродячихъ. Первые уже успѣли обамериканизиться, а вторые остались такими, какими были и раньше. У нихъ пятиричная система счисления.

Если бы мы вздумали нанести цвѣтной краской на карту распространеніе каменнаго вѣка, при чемъ густой тонъ наложить тамъ, гдѣ каменный вѣкъ былъ давно, и слабый, - гдѣ онъ былъ недавно, — то наиболѣе темныя пятна легли бы на Францію; по мѣрѣ того, какъ мы стали бы подвигаться на востокъ, краска эта будетъ все слабѣе, и на сѣверо-востокѣ Сибири она сольется съ бѣлой. Является такое впечатлѣніе, что, по мѣрѣ удаленія отъ Европы къ востоку, мы какъ будто бы во времени переносимся назадъ. Лѣтъ пятнадцать

¹⁾ Знамена этого баталіона въ настоящее время хранятся въ Гродековскомъ музеѣ въ Хабаровскѣ.

²⁾ См. В. И. Юхельсонъ. Этнологическія проблемы на сѣверныхъ берегахъ Тихаго океана. Извѣстія Императ. Русск. Географ. Общ. т. XIII, 1907 г., стр. 67. Далѣе слѣдуютъ ссылки на ту же работу г. Юхельсона. Поэтому въ текстѣ въ скобкахъ будутъ указываться цифры страницъ этой работы.

или двадцать тому назадъ на Чукотскомъ полуостровѣ въ полномъ смыслѣ слова былъ еще каменный вѣкъ. Переходными ступенями отъ него будутъ комбинаціи изъ камня и кости, потомъ изъ кости и желѣза, и, наконецъ, желѣзо вытѣсняетъ и то, и другое.

Чукчи настолько еще первобытны, что у нихъ нѣтъ общественной организаціи, есть только зачатки родовъ (стр. 90).

Непосредственными сосѣдями чукчей будутъ коряки¹⁾. Они и физически нѣсколько отличаются отъ чукчей (въ особенности ростомъ, который въ массѣ ниже средняго). У нихъ также нѣтъ общественной организаціи—соціальной единицей служить семья (стр. 90).

Чукчи и коряки сдѣлали много позаимствованій, съ одной, стороны, у индѣйцевъ Америки, съ другой стороны, у эскимосовъ, и съ третьей—у сосѣдей—азіатовъ. Напр., оленеводство къ нимъ перешло отъ чуванцевъ²⁾ и юкагировъ³⁾, а, можетъ-быть, и прямо отъ тунгусовъ⁴⁾. Всего коряковъ насчитываютъ 5,520 чел. (2,886 мужч. и 2,634 женщ.).

Алеуты обитаютъ на полуостровѣ Аляскѣ и на островахъ Алеутскихъ и Командорскихъ. Объ ихъ американскомъ происхожденіи не можетъ быть и рѣчи. Особенно заслуживаютъ вниманія ихъ костюмы изъ птичьихъ шкурокъ (какъ и у чукчей) и головной уборъ съ козырькомъ, напоминающимъ носъ утки. Въ русскихъ владѣніяхъ (на островахъ Беринга и Мѣдномъ) живетъ ихъ 473 человекъ (242 мужч. и 231 женщ.). Нынѣ большая часть алеутовъ—креолы, владѣющіе англійскимъ и русскимъ языками.

Работы американскаго профессора Боаза и нашихъ русскихъ ученыхъ Клеменца и Юхельсона установили несомнѣнную связь народовъ сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки. Напримѣръ, первобытная полууглубленная юрта въ общихъ чертахъ одинакова какъ въ Азіи, такъ и въ Америкѣ (стр. 77). Лодки чукчей, коряковъ и алеутовъ—кожаная, какъ у эскимосовъ; а лодки юкагировъ и камчадаловъ—деревянная, какъ у индѣйцевъ. Орудія охоты: гарпуны и метательныя доски—какъ у эскимосовъ, а техника плетенія корзинъ и ковриковъ—какъ у индѣйцевъ.

Женщины чукчей и коряковъ носятъ дѣтей на спинѣ, поддерживая ребенка ремнемъ, протянутымъ черезъ лобъ, т.-е. совершенно такъ же, какъ и у американскихъ дикарей, а мужчины носятъ тяжести по-эскимосски, т.-е. тоже на спинѣ, но при помощи грудной дощечки (стр. 79—80). Рѣзба по кости у чукчей, коряковъ и аляскинскихъ эскимосовъ одинаковы и заслуживаютъ особеннаго вниманія (стр. 85).

¹⁾ Кромѣ того, есть тамъ еще какіе-то кэрэки—71 чел. (39 мужч. и 32 женщ.).

²⁾ 436 челов. (223 мужч. и 213 женщ.).

³⁾ 136 челов. (65 мужчинъ и 213 женщинъ).

⁴⁾ Въ томъ же духѣ высказывается и г. Юхельсонъ (см. стр. 76).

Въ сказаніяхъ тамъ и тамъ воронъ творитъ міръ; онъ же научилъ людей добывать огонь при помощи тренія одного куска дерева о другой (способъ сверленія). Вращательное сверло дѣлается изъ твердой породы, деревяшка, гдѣ получается огонь—изъ мягкой. Эта послѣдняя изображаетъ собою фигуру человѣка. Въ ней мы усматриваемъ родового бога огня (культъ предковъ). Охотничьи обычаи тоже одинаковы: убитый звѣрь принадлежитъ не тому, кто его убилъ, а тому, кто его увидѣлъ первый. Такъ, былъ случай, когда маленькая дѣвочка, едва умѣющая говорить, очутилась владѣлицей цѣлаго медвѣдя.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ объ «орочахъ».

Этимъ словомъ обыкновенно называютъ инородцевъ, обитающихъ, какъ выше было сказано, въ районѣ Императорской Гавани и по рр. Хоюлю, Хунгари, Копи и Тумнину, а также и всѣхъ тѣхъ, которые живутъ отъ нихъ къ югу и по побережью моря и въ бассейнѣ правыхъ притоковъ Уссури и нижняго Амура. Это ошибка: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя народами: съ орочами¹⁾ и съ удэ(хе)²⁾. Подтверженіе этого мы находимъ въ физическомъ типѣ тѣхъ и другихъ, въ языкахъ ихъ и въ различіи этнографическихъ признаковъ.

Посмотримъ, какія имѣются къ тому данныя.

Физическій типъ.

О р о ч и .	У д э (х е) .
<p>Ростъ—средній, часто даже выше средняго. Лицо скуластое, носъ всегда вогнутый. Широкіе въ костяхъ. Болѣе или менѣе развитая растительность на лицѣ. Иногда встрѣчаются люди съ большой густой бородой. Волосы чернаго цвѣта съ наклономъ къ волнисто-</p>	<p>Ростъ средній и ниже средняго. Худотѣлые и на видъ слабосильные. Лицо овальное, немного скуластое. На берегу моря встрѣчаются горбоносые (рр. Единъ и Самарги). Растительность на лицѣ развита слабо,—часто встрѣчаются люди совсѣмъ безусые. Бороды ни у кого нѣтъ. Волосы</p>

¹⁾ Это будетъ ихъ истинное самоназваніе. Такъ они впервые себя назвали Ла-Перузу.

²⁾ У г-на Брайловскаго инородцы эти называются тазы или удихэ. И то и другое—неправильно. Народа «тазы» нѣтъ вовсе. Это—неправильное названіе «дацзы», даваемое китайцами всѣмъ инородцамъ, которыхъ нельзя причислить ни къ нимъ, китайцамъ, ни къ русскимъ, ни къ японцамъ, ни къ корейцамъ. Поэтому тазы будутъ всѣ маньчжурь, почему-либо не попавшіе въ восьмизнаменную регистрацію, солоны, дахуры, гольды, гиляки, орочи, а также и дѣти женщинъ этихъ племенъ отъ китайцевъ и корейцевъ и т. д.

Что же касается до удихэ, то такого созвучія «уди» вовсе нѣтъ въ маньчжурскомъ нарѣчій—это противорѣчитъ звукосочетанію языка. В. А.

Орочи.	Удэ(хе).
сти. Окраска волосъ съ возрастомъ не мѣняется. Глаза темные. Въ 1909 году было 498 человекъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.	черные, прямые, иногда съ каштановымъ оттѣнкомъ. Среди дѣтей встрѣчаются свѣтло-русые, но затѣмъ съ возрастомъ цвѣтъ волосъ темнѣетъ. Глаза темные, каріе и смѣшанные (т.-е. сѣрые съ темными пятнышками) ¹⁾ . По исчисленіямъ 1908—1909 гг. ихъ было 1,823 чел. (1,060 мужчинъ и 763 женщины).

Людей, называющихъ себя удэ(хе), орочи Императорской Гавани не считаютъ «своими». Они говорятъ: «Это другой народъ», относятся къ нимъ съ насмѣшками, пренебрежительно, и называютъ ихъ кяка, кякари, кекари.

Когда въ 1908 г. я впервые встрѣтился съ орочами на р. Хуту (притокъ Тумнина), то мой проводникъ не могъ съ ними объясниться какъ слѣдуетъ. Тогда я объяснилъ это тѣмъ, что мой переводчикъ плохо зналъ орочскій языкъ. Но когда на другой годъ мнѣ съ двумя удэ(хе) опять пришлось встрѣтиться съ орочами на р. Копи и повторилась та же исторія, я понялъ, что языки ихъ дѣйствительно разнятся между собою. Мои удэ(хе) съ копинскими орочами объяснялись настолько съ трудомъ, что порой приходилось прибѣгать къ услугамъ переводчика. Впослѣдствіи, когда я ближе познакомился съ обоими языками, то я увидѣлъ, что въ лексиконѣ тѣхъ и другихъ есть много словъ одинаковыхъ, сходныхъ и совершенно различныхъ. Напримѣръ:

Слова одинаковыя:

Русскія.	Маньчжурскія.	Орочскія.	Удэ(хе).
Огонь.	тува	то	то
Человѣкъ.	нялма	ни	ни
Земля.	на	на	на
Солнце.	шунь	сю	сю
Заяць.	гулмахунь	тукса	тукса
Дерево.	моо	мо	мо
Свинья (дикая).	докита	накта	накта

¹⁾ Такими же ихъ описывалъ и Венюковъ въ 1857 году и Максимовичъ въ 1860 году.

Русскія.	Маньчжурскія.	Орочскія.	Удэ(хе).
Слова сходныя:			
Собака	иньдахунь	инаки	инэй
Юрта	монго боо	калá	каунъвá 1)
Дорога	чжугунь	фохтó	хоктó
Тънь	силмэнь	фаня	ханялá
Змѣя	мэйхэ	кулига	кулигасэ
Снѣгъ	ниманги	има(х)á	имасá
Слова различныя:			
Звѣзда	усихэ	уйкта	хосейта
Вода	мукэ	му 2)	ули 2)
Родъ, племя, се- мейство	халá	халá	сеи
Нѣтъ	аку	маймакэ	анчи
Лось	кандахань	бую	огбэ
Тигръ	тасха	амбá	куты
Слова, которыхъ вовсе нѣтъ у орочей или у удэ(хе):			
Фетишъ	—	—	амняху
Изображеніе ду- ха, помогающаго шаману	—	—	севохи
Тотемное дерево	—	—	т(х)унь
Шаманская ма- ска	—	—	хамбабá
Шаманскія по- гремушки	хончонь	цзообэ	—
Морская лодка	чжахудай	аккенá	—
Шнуръ для косы	—	—	сасá

Осенью 1909 г. я съ орочами шелъ по р. Хоюлю и на озерѣ Кизи встрѣтился съ ольчами. Орочи съ ними объяснились безъ всякихъ затрудненій. Они сказали мнѣ, что ольчей они легче понимаютъ, чѣмъ кекарей (удэ[хе]).

1) Не имѣя возможности изготовить спеціальныя буквы для изображенія звуковъ инородческихъ языковъ, — условимся буквой *ъ* послѣ *н* обозначать носовой звукъ *н*, а буквой *э* въ скобкахъ —(х)—обозначать придыханіе. Удареніе почти вездѣ на послѣдней гласной. Ред.

2) Му+ули; сравни корейское «мури»,—вода. Въ дальневосточныхъ языкахъ какъ *р* и *л* часто не дифференцируются; напримѣръ, китайцы оба звука передаютъ, звуки «л», а японцы—какъ «р». Ред.

Теперь обратимся къ этнографическимъ признакамъ.

Прическа.

Орочи.	Удэ(хе)
<p>Волосы заплетаются въ одну косу. Пробора на головѣ нѣтъ.</p>	<p>Носятъ двѣ косы, которыя сложены въ нѣсколько рядовъ и туго обмотаны краснымъ шнуромъ. Длинные концы этихъ шнуровъ украшаются цвѣтными кисточками и свѣтлыми пуговицами. Вдоль по головѣ отъ лба черезъ затылокъ до самой шеи идетъ ясно выраженный проборъ. Косы покоятся по сторонамъ головы и достигаютъ ключицъ. Чтобы онѣ не мѣшали при работѣ и не лѣзли въ лицо, сзади ниже затылка соединены особой перемычкой, всегда украшенной бисеромъ, блестящими пуговицами и мелкими раковинами.</p>

Покрой костюма тѣхъ и другихъ одинаковъ. Онъ состоитъ изъ двухъ или трехъ халатовъ, одѣваемыхъ одинъ поверхъ другого, короткихъ штановъ, наколѣнниковъ, унтовъ, нарукавниковъ, головного покрывала и маленькой шапочки, отороченной мѣхомъ соболя или хорька. Но и тутъ есть такія различія, которыя бросаются въ глаза съ перваго раза.

Костюмъ.

Орочи.	Удэ(хе).
<p>По борту рубашки протянуто одна-двѣ, рѣдко три узкихъ цвѣтныхъ полоски въ видѣ украшенія. То же самое и на головномъ покрывалѣ.</p> <p>Шапочка круглая, гладкая, безъ украшеній.</p>	<p>Весь костюмъ, начиная отъ головного убора и кончая обувью на ногахъ, расшитъ широкими цвѣтными полосами и густо (иногда даже сплошь) покрытъ орнаментами, очень искусно вышитыми гладью. Особенно украшается головное покрывало, круглый широкій воротникъ и бортъ рубашки.</p> <p>Сверху на шапочкѣ въ стоячемъ положеніи прикрѣпленъ соболинъ или бѣличій хвостикъ и три короткихъ толстыхъ красныхъ шнура, украшенныхъ на концахъ пестрыми кисточками и блестящими пуговицами.</p>

О р о ч и.	У д э (х е).
<p>Отдають предпочтеніе темнымъ цвѣтамъ, преимущественно черному, темно-синему, темно-сѣрому.</p> <p>Орнаменты — крупныхъ размѣровъ, преимущественно спиральная линія — весьма похожи на орнаменты ольчей и негидальцевъ. Наблюдается скудость рисунковъ, однообразіе, заученные трафареты.</p> <p>Раньше носили берестяную шляпу по типу гилияцкой, гольдской и ольчской.</p>	<p>Любятъ яркіе цвѣта: свѣтло-синій, бѣлый, голубой, буро-желтый.</p> <p>Орнаменты мелкіе. Кромѣ спиральныхъ линій, можно видѣть и другіе мотивы, напримѣръ, стилизованную медвѣжью голову, рыбу, птицъ, олени рога и т. д. Замѣтна тенденція создать новые рисунки путемъ комбинаціи старыхъ.</p> <p>Не было вовсе.</p>

У к р а ш е н і я.

О р о ч и.	У д э (х е).
<p>Ручные браслеты рѣдко носятъ на рукахъ, чаще всего держатъ ихъ въ ящикахъ, какъ знакъ достоинства и богатства.</p> <p>Серебряныя и золотыя кольца на пальцахъ носятъ, но въ ограниченномъ числѣ.</p> <p>Женская нарядная рубашка только по нижнему подолу въ одинъ рядъ обшита мѣдными побрякушками.</p> <p>Женщины носятъ большія серебряныя маньчжурскія серьги съ подвѣсками изъ халцедона.</p>	<p>Браслеты всегда носятъ на рукахъ (даже на охотѣ), иногда по два и по три сразу.</p> <p>Носятъ множество колецъ на всѣхъ пальцахъ (не исключая и большихъ) обѣихъ рукъ. Иногда можно видѣть по два и три кольца на одномъ пальцѣ.</p> <p>Женскій костюмъ въ нѣсколько рядовъ (иногда сплошь весь) обшивается мѣдными побрякушками, колокольчиками, бубенчиками, обрывками металлическихъ цѣпочекъ, блестящими пуговицами, мелкими раковинами и т. д.</p> <p>Женщины носятъ такія же серьги меньшихъ размѣровъ, но съ множествомъ добавленій въ видѣ колецъ изъ нефрита, цвѣтныхъ стеколъ, серебряныхъ монетъ и мѣдныхъ китайскихъ чоховъ.</p>

Дѣтская зыбка у тѣхъ и другихъ дѣлается изъ двухъ лубковыхъ половинокъ, поставленныхъ по отношенію одна къ другой подъ угломъ въ 120 град. Ребенокъ находится въ полусидячемъ положеніи. Сверху его прикрываютъ расшитымъ одѣяльцемъ и привязываютъ ремешками, протянутыми крестъ-на-крестъ черезъ края зыбки. Въ этомъ и заключается вся сущность пеленанья. Сзади къ стѣнѣ зыбки привѣшиваются нанизанныя на нитку копытца кабарги и мелкія ры-

сьи кости. Если нужно усыпить ребенка, мать ставит зыббу на двугранный уголъ и, качая ее, монотоннымъ голосомъ припѣваетъ: ба-а! ба-а! ба-а!

Таковы общія черты устройства дѣтской зыбки у орочей и удэ(хе), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, наблюдаются и различія:

О р о ч и.	У д э (х е).
<p>Верхняя половина зыбки (т.-е. къголовѣ)—расширяющаяся, а нижняя—суженная. Для поясненія сказаннаго можно назвать верхнюю половину зыбки «трапеціей», а нижнюю—«треугольникомъ.</p> <p>Привѣски за спиной зыбки играютъ роль побрякушекъ; ихъ ритмическій шумъ усыпляетъ ребенка.</p>	<p>Верхняя половина зыбки суживается такъ же, какъ и нижняя. Такимъ образомъ, обѣ половины зыбки представляютъ собою два треугольника, соединенные основаніями.</p> <p>Тамъ, гдѣ привѣски прикрѣпляются къ зыбкѣ (по сторонамъ), вырѣзаны человѣческія уши. Привѣски имѣютъ цѣль—изобразить ту повязку на головѣ ниже затылка, о которой говорилось выше при сравненіи причесокъ.</p>

Къ числу устойчивыхъ этнографическихъ признаковъ относятся также лодки, лыжи, нарты, собачьи упряжи и вообще способы передвиженія.

Морскія лодки.

О р о ч и.	У д э (х е).
<p>Морскія лодки дѣлаются по типу гиляцкихъ на Амурѣ. Орочи успѣли привыкнуть къ морю.</p> <p>Вмѣсто паруса, пользуются полотнищемъ палатки, которое укрѣпляютъ на двухъ крестъ-на-крестъ поставленныхъ шестахъ. Иногда дѣлаютъ такой четырехугольный парусъ изъ рыбьей кожи.</p>	<p>Нѣтъ вовсе. Боятся моря.</p> <p>Совершенно незнакомы съ употребленіемъ паруса.</p>

Рѣчная лодка, «улимагда», какъ у орочей, такъ и у удэ(хе), имѣетъ совершенно одинаковое устройство. Это низкій долбленный челнокъ съ плоскимъ дномъ и плоскимъ носомъ, похожимъ на слегка загнутую кверху лопату, и составляющій какъ бы продолженіе дна лодки. Преимущество такой лодки передъ килевой заключается въ томъ, что она не разрѣзаетъ воду, а такъ сказать, взбирается на нее, и бла-

годаря этому можетъ переходить черезъ всякія мели. Охотничьи лодки (нисаа угда омо орочи, т.-е. маленькая лодка на одного ороча: отсюда и названіе «оморочка») немного различаются между собою.

О м о р о ч к и.

О р о ч и.	У д э (х е).
<p>Больше размѣрами (приспособлены къ плаванію по морю). Имѣютъ по борту закраины, чтобы ее не захлестнула волна. Весла двухъ родовъ: 1) двойные, т.-е. на одномъ древкѣ имѣются два черпака, и 2) два маленькихъ ручныхъ черпака каждый въ отдѣльности.</p>	<p>Меньше размѣрами (безъ закраинъ по бортамъ) и приспособлены только для плаванія по рѣкамъ. Имѣется весло перваго рода, т.-е. древко съ двумя черпаками.</p>

Л ы ж и.

О р о ч и.	У д э (х е).
<p>Короче роста человѣка, но зато довольно широкія, и по типу очень напоминающія гияцкія, гольдскія и ольчскія.</p>	<p>Длиннѣе роста человѣка, узкія, сильно выгнутыя. Такихъ лыжъ не имѣютъ Уссурійскіе гольды, живущіе приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ съ удэ(хэ).</p>

Раньше орочи были оленеводами (родственные имъ ороки на Сахалинѣ такими остались и по сіе время). Впослѣдствіи они потеряли своихъ оленей (массовый падежъ), и вслѣдствіе этого перешли къ собакамъ.

О р о ч и.	У д э (х е).
<p>Содержать много собакъ. Въ нарту впрягается не меньше трехъ паръ. Есть передовая собака, которая ведетъ всю свору, и которой управляютъ голосомъ. Кромѣ обычной упряжи съ карабинами, есть еще такъ-называемая парадная, сдѣланная тщательно, и украшенная кисточками.</p>	<p>Содержать собакъ мало. Въ нарту впрягается самъ человѣкъ, и въ помощь себѣ беретъ три, рѣдко четыре собаки. Передовой собаки вовсе нѣтъ. Парадной упряжи нѣтъ вовсе. Вообще, вся упряжка примитивная. Карабины въ послѣднее время позаимствованы у гольдовъ.</p>

Нарты.

О р о ч и .	У д э (х е) .
<p>Ўздовыя нарты имѣютъ загнутыя полозья только спереди. Сверху въ задней части устроены кузовокъ. Онъ оплетенъ веревками или ремешками. Нарты эти удивительно похожи (можно даже сказать—тождественны) на коряцкіе, гиляцкіе и ольчскіе. Даже форма стоекъ и увязка ихъ къ полозьямъ почти одинаковы.</p> <p>Способъ ѣзды на нартахъ такой же, какъ и у коряковъ, гиляковъ, ольчей, т.-е. верхомъ съ одѣтыми на ноги лыжами.</p> <p>Охотничьи нарты—безъ верхняго кузова и съ загнутыми полозьями съ обѣихъ сторонъ. Къ передней стойкѣ привязана длинная жердь, при помощи которой человѣкъ, идущій впереди, направляетъ ее на занастившуюся дорогу; а ташутъ нарту собаки.</p>	<p>Нѣтъ вовсе.</p> <p>Не ѣздятъ вовсе, а если и садятся на нарты, то сбоку, поднявъ обѣ ноги на воздухъ.</p> <p>Единственный типъ нарты, способъ передвиженія и управленія смотри въ отдѣлѣ, гдѣ говорится о собакахъ.</p>

Разница въ жилищахъ у орочей и у удэ(хе) настолько рѣзкая, что это замѣчали люди, которые никогда не занимались этнографіей.

Лѣтники изъ корья.

О р о ч и .	У д э (х е) .
<p>Большіе по размѣрамъ, такъ что въ нихъ можно свободно ходить. Кромѣ двускатной крыши, есть еще и боковыя стѣнки въ ростъ человѣка. Посрединѣ надъ огнемъ изъ жердей дѣлаются стойки со стѣлами для сушки рыбы.</p>	<p>Настолько маленькія, что взрослый человѣкъ внутри ихъ можетъ ходить только согнувшись или переползая на колѣняхъ. Онѣ представляютъ ихъ себя двускатную крышу, непосредственно поставленную на землю. Чтобы корье не коробилось, его снаружи прижимаютъ лѣсомъ.</p>

Зимнія жилища.

О р о ч и .	У д э (х е) .
<p>Дѣлаютъ бревенчатые домики по образу гиляцкихъ. Съ появленіемъ русскихъ, позаимствовали у нихъ способъ отопленія желѣзными печками.</p>	<p>Та же юрта, что и лѣтникъ, но еще меньше размѣрами, дѣлается изъ накатника и сверху прикрывается землей и сухою травой.</p>

Стойбища.

Орочи.	Удэ(хе).
<p>Стойбища большія и находятся изстари на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, но составъ населенія время-отъ-времени мѣняется въ такой же мѣрѣ, какъ и у осѣдлыхъ народовъ. Вслѣдствіе этого постройки дѣлаются прочно, аккуратно. Замѣтна склонность жить обществами.</p>	<p>Бродячіе инородцы. Предпочитають жить въ одиночку и все время перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто въ погонѣ за звѣремъ и рыбой. Сплошь и рядомъ не убитый звѣрь переносится къ дому, а обратно—вся семья перекочевываетъ къ тому мѣсту, гдѣ находится добыча, и живетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока все мясо не будетъ съѣдено. Вслѣдствіе этого всѣ постройки дѣлаются небрежно, кое-какъ. Вотъ почему въ тайгѣ встрѣчается много пустыхъ юртъ.</p>

Еще больше различій мы найдемъ въ обычаяхъ по отношенію къ медвѣдю. Видно, что у орочей они имѣютъ большее значеніе, чѣмъ у удэ(хе).

Культъ медвѣдя.

Орочи.	Удэ(хе).
<p>Существуетъ праздникъ убіенія вскормленного медвѣдя, обставленный приблизительно такимъ же ритуаломъ, какъ у ольчей и гилаковъ на Амурѣ. Съѣданіе головы медвѣдя входитъ въ этотъ праздникъ.</p>	<p>Совсѣмъ нѣтъ. Особый праздникъ съѣданія головы медвѣдя, убитаго на охотѣ, обставленный своеобразнымъ ритуаломъ.</p>

Зато въ шаманствѣ удэ(хе) стоятъ впереди орочей. Чувствуется, что у послѣднихъ оно заимствовано отъ сосѣдей.

Шаманство.

Орочи.	Удэ(хе).
<p>Слабое камланье и безъ пляски. Шамановъ мало,—они не имѣютъ большой силы. Шаманскіе посохи—весьма рѣдкое явленіе. Обыкновенно они из-</p>	<p>Камланье сильное и часто сопровождается пляской. Шамановъ много. Среди нихъ есть очень сильные, способные пить кипящій жиръ и плясать въ огнѣ. Шаманскіе посохи встрѣчаются очень часто. Они покрыты рѣзбой</p>

О р о ч и.	У д э (х е).
<p>ображаютъ ногу дося, немного согнутую въ колѣнѣ.</p>	<p>и имѣютъ на одномъ концѣ деревянное копые, а на другомъ — ясновидящую человѣческую голову, къ которой привязываются крылья орла, филина или баклана.</p>
<p>Шаманская юбка шьется изъ нерпичьей кожи (какъ у ольчей и гиляковъ) и не имѣетъ украшеній.</p>	<p>Шаманская юбка шьется изъ синей матеріи, оторачивается цвѣтными полосами, мѣхомъ хорька и притомъ всегда украшается изображеніями тѣхъ животныхъ, въ образѣ которыхъ являются духи шаману.</p>
<p>Нѣтъ вовсе.</p>	<p>Шаманская маска (хамбаба) вырѣзывается изъ дерева и покрывается спиральными рисунками, какъ татуировка. Вокругъ оторочена мѣхомъ медвѣдя.</p>
<p>Нѣтъ вовсе.</p>	<p>Деревянные изображенія духа (севохи) дѣлаются по указанію шамановъ для того, чтобы изгнать чорта изъ дома больного. Они дѣлаются изъ дерева, кости и желѣза и имѣютъ видъ людей, съ звѣриной или птичьей головой, иногда одноногіе съ крыльями и т. д. Севохи, которые ставятся около жилища, бываютъ выше роста человѣка.</p>
<p>Нѣтъ вовсе.</p>	<p>Фуданку — изображеніе чорта, котораго надо изгнать изъ дому больного. Дѣлается изъ соломы. Въ полночь выносятся наружу, разрываются на части и развѣиваются по вѣтру.</p>
<p>Нѣтъ вовсе.</p>	<p>Шаманскій женскій передникъ, сшитый изъ выдѣланной лосиной кожи и одѣваемый при камланіи. По сторонамъ отороченъ цвѣтными полосками. Впереди на высотѣ пояса привѣшены огниво, трубчатая кость рыси и еще два-три амулета.</p>
<p>Ручные погремушки изъ рыбьей кожи съ камнями внутри, употребляются шаманками при камланіи. Весьма схожи съ такими же погремушками у гольдовъ и ольчей на Амурѣ.</p>	<p>Нѣтъ вовсе.</p>
<p>Нѣтъ вовсе.</p>	<p>Фигурные столбы «Т(х)унъ» — мѣсто пристанища чорта, украшенные обыкновенно разными изображеніями людей, змѣй, птицъ и животныхъ.</p>

2017

О р о ч и.	У д э (х э).
Нѣтъ вовсе. Нѣтъ вовсе.	Маленькіе «севохи», которые носятъ у пояса, называются амняху. Амулеты («мяонки»), на примѣръ, кусочекъ свинца въ красной тряпицѣ, мѣдный гвоздикъ, пришитый къ кожѣ, кость, завернутая въ бересту, сердце рыбы въ древесныхъ стружкахъ и т. д.

Шаманскія маски, шаманскій женскій передникъ, изображенія духовъ, помогающихъ шаману въ борьбѣ съ чортомъ (севохи), фигурные столбы и амулеты—все это донелъзя наминаетъ американцевъ. Всѣ американскіе этнографы, посѣщавшіе музей въ г. Хабаровскѣ, были поражены сходствомъ этихъ предметовъ съ такими же у американскихъ индѣйцевъ.

Кто такіе удэ(хе)? Судя по языку—это тунгусы; физическій типъ ихъ—смѣшанный, а по этнографическимъ признакамъ (предметы религіознаго культа)—это американоиды. Судя по тому, что у нихъ нѣтъ мореходной лодки, нѣтъ своего паруса—они, вѣроятно, пришли въ Уссурійскій край сухопутьемъ. И, такъ какъ у нихъ въ сказкахъ нѣтъ ни сѣвернаго оленя, ни большихъ снѣговъ, и никогда не упоминается о полярныхъ сіяніяхъ, слѣдуетъ полагать, что они пришли или съ запада, или съ юга.

Кто такіе удэ(хе)?

Передъ нами одна изъ загадокъ этнографіи.

В. Арсенъевъ.

